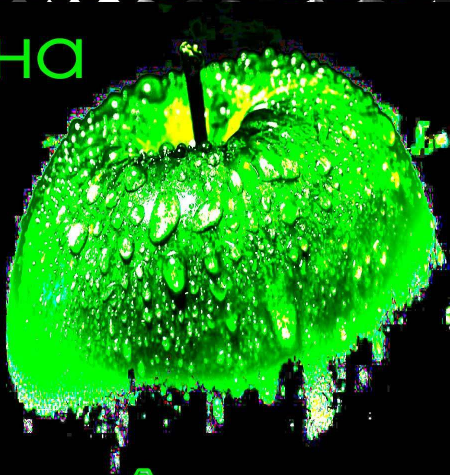

ЛАКТИОНОВА

Елена

Аромат

зеленого

яблока

Елена Лактионова

Аромат зеленого яблока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200482

Аннотация

Советские 80-е годы. Две подружки – романтическая Маша и практичная Аллочка после окончания школы приезжают в Ленинград. Машина мечта – поступить в институт и, конечно, встретить настоящую большую любовь. У Аллы мечта прозаичнее: пристроиться в большом городе, выйти удачно замуж. В турпоездке на Валаам Маша знакомится с Димой – судовым коком. Но она считает, что лишь в институте ее ждет настоящая любовь. Аллочка старается убедить подружку в перспективности такого знакомства: ведь Дима ходит в «загранку»! Машин Принц появляется только на третьем курсе в лице талантливого фотографа Олега Медведева. Она считает, что у них завязываются романтические отношения и ждет от Олега действий. Но тот почему-то не делает никаких шагов для более близких отношений. Советчица и «домашний психотерапевт» Аллочка разрабатывает стратегический план «Охота на Медведя» – соблазнения и завоевания Олега. «Охота» в самом разгаре, когда непредвиденная ситуация рушит все планы. Непросто складывается и судьба Аллочки с Андреем, за которого она выходит замуж. Достоверно показаны «застойные» 80-е годы, потом «переломные» 90-е, реалии быта тех лет.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	29
ГЛАВА ШЕСТАЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена ЛАКТИОНОВА

АРОМАТ ЗЕЛЕНОГО ЯБЛОКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Четырехпалубный теплоход «Алтай» отправлялся в девять вечера. Девчонки, наспех побросав вещи в отведенной им каюте, вышли на палубу и, опершись на перила, рассматривали речной вокзал, поднимающихся по трапу пассажиров, провожающих, редких в этот час людей на причале — им всё было интересно. К тому же необычное возбуждение, охватившее всех четверых, не позволяло сидеть в каюте.

— Ну, бабы, хоть отдохнем по-человечески в эти выходные, — с радостным предчувствием сказала Галка.

«Бабам» было по 17–18 лет. Галку поддержала ее младшая сестра Люба:

— Не говори. А то загнешься на этом вонючем заводе. Всё равно все выходные в общежитии сидишь, света не видишь.

— Ой, Машка, хорошо, что ты подбила нас купить путе-

ки, – обратилась к подружке Рая. – Кл-ласс!

Взгляд Маши, четвертой девушки, мечтательно блуждал по пассажирам, предметам, воде за бортом, ни на чем не задерживаясь: для нее эта поездка была чем-то большим, чем просто отдых. Этим летом она готовилась поступать в институт и распрощаться со ставшей ненавистной тяжелой работой. Студенческая жизнь представлялась ей сплошным праздником. И эта поездка на остров Валаам в теплые майские дни по профсоюзной путевке была своего рода предвестием начинающихся больших событий.

Был вечер пятницы, возвращались они в воскресенье утром. «Уик-энд» – как говорят в далекой-предалекой, недоступной и таинственной загранице.

«Алтай», неуклюже отчалив, вышел на середину Невы и дал полный ход. Девочки еще некоторое время стояли на палубе, глядя по сторонам. Но унылый вид захламленного пустынного побережья промышленной зоны им скоро наскучил, стало смеркаться. Они спустились в каюту.

Не успели они толком обустроиться, как в дверь постучали. В каюту заглянул мужчина в белом кителе, деловито сообщив:

– У вас ужин в десять часов. Ресторан вон по той лестнице вверх, потом налево. Просьба не опаздывать. Вы завтракаете в первую смену. Столик вам покажут, – и мужчина торопливо удалился.

– Еще и ужин будет! – обрадовались девочки, потому что

на него совсем не рассчитывали.

Столик им определили у иллюминатора. Белоснежная скатерть, настоящие салфетки в стакане (а не откровенная туалетная бумага, как в заводской столовой), большая вкусная котлета с гарниром. И ложки-вилки тоже «настоящие», из нержавеющей стали, а не алюминиевые, вечно мокрые и непромытые.

– Ну, бабы – класс! – определила Рая, окинув взглядом стол. – Сэрвис!

– Путешествовать мне определенно нравится, – откинувшись на спинку стула Маша.

Оказалось, что после ужина будут танцы. Танцплощадка находилась на верхней палубе. На Неву спустилась ночь, еще не совсем белая в это время года, и танцующих освещали прожектора. Из радиорубки на всю мощь неслась музыка популярных вокально-инструментальных ансамблей: «Самоцветы», «Веселые ребята», «Лейся, песня».

*Синий-синий иней
Лег на провода,
В небе темно-синем
Синяя звезда.*

Почти сразу, сама не понимая как, Маша потеряла своих подружек. Она шарила глазами по танцующим, но в этой прыгающей, топочущей толпе, освещенной лишь откуда-то сбоку и сверху, лиц было не разглядеть, и найти друг дру-

га было непросто. Прожектора били в глаза, музыка оглушала, вокруг витала атмосфера всеобщего веселья и разгула, и Маша от всего этого опьянела. Она спустилась палубой ниже и, подойдя к перилам, глядела то на темную бурлящую воду за бортом, то вглядывалась в далекие берега с мерцающими кое-где огоньками. Стоял на удивление теплый майский вечер, от впечатлений слегка кружилась голова, а с верхней палубы неслась Пугачева:

*Арлекино, Арлекино,
Для тебя награда – смех.
А-ха-ха-ха-ха-ха-ха!*

В нескольких шагах от себя Маша заметила двух парней. Один стоял, низко перегнувшись через борт, а второй, быстрый и верткий, суетился возле него, давая ценные советы. Он тоже увидел Машу и подошел к ней:

– Почему вы не танцуете?

– Не хочется.

– Нам вот тоже расхотелось. Мы спустились сюда немного проветриться: вот ему, – молодой человек указал на товарища, – стало плохо.

Тот, которому на танцах стало плохо, был, казалось, ко всему безучастен и был рад только прохладе, идущей от воды, да свежему ветру, обдувающему лицо.

– Его звать Дима, – продолжал сдавать друга общительный молодой человек. – А меня – Сергей. А вас как зовут?

– Маша.

– Вам здесь нравится?

– Очень!

– Давайте подойдем к Диме: он страдает.

Когда Маша с Сергеем подошли к Диме, тот выглядел смущенным.

Маша сразу почувствовала легкость и непринужденность в общении. Ребята ей показались приятными и воспитанными. А может быть, просто в тот вечер так сложились звезды.

Но непонятное продолжалось: так, для Маши было совершенно непонятно, как она оказалась именно с Димой, и куда исчез Сергей. Может быть, он ушел «по делам», пообещав скоро вернуться, а Маша и Дима вдруг решили погулять. Наверное, так и было. Когда Маша на следующий день пыталась воспроизвести в памяти это знакомство, ей запомнилось лишь, как они с Димой уже гуляли по палубам, переходя с одной на другую по крутым металлическим лестницам. То, что они не танцевали, это точно, потому что Диму начинало мутить от одних напоминаний о танцплощадке.

Потом они очутились в небольшом освещенном холле и смогли, наконец, внимательнее друг друга рассмотреть. Дима оказался еще приятнее, чем в полумраке палуб: милое губастенькое лицо, копна светлых волос уложена модным «шведским домиком». Что еще отметила про себя Маша, как аккуратно, «чистенько» он одет, – что очень ценила в мужчинах, и никак не могла добиться от своих знакомых завод-

ских ребят. Маша почувствовала, что своей внешностью тоже не разочаровала Диму, потому что после этого освещенного холла их беседа оживилась.

Потом их снова потянуло в полумрак, и они нашли закуток с уютным угловым диванчиком, понимая, что это случайное знакомство не может так просто прерваться. На диванчике сидела, воркуя, еще одна парочка.

Маша и Дима стали рассказывать друг другу о себе. Выяснилось, что Дима только что вернулся из армии, и ему родители купили эту путевку – отдохнуть, развлечься. А до армии он окончил училище по специальности судовой повар и этим летом должен отправиться в свой первый рейс. Маша тут же вообразила Диму в белом поварском колпаке, длинном белом переднике и с огромной поварешкой в руке, – картинка получилась забавной.

– А я пока работаю на заводе, этим летом буду поступать в институт, – сообщила о себе Маша.

– И кем ты станешь после окончания?

– О-ох, я еще не поступила! – суеверно отмахнулась Маша. – Должна стать химиком. Обожаю «химичить» и вообще всякие химические опыты и реакции.

– О, ты у нас «реакционерка».

– Ага, – хмыкнула Маша. Потом она участливо заглянула Диме в лицо: – Тебе уже лучше?

– Вроде оклемался. Мы с Серым бутылку портвейна «раздавили» по отплытию.

– Да ты пьянчужка! – шутливо воскликнула Маша.

– Что ты, я вообще не пью.

Маша охотно этому поверила, потому что если бы пил, с полбутылки портвейна его так не развезло бы. Она опять сравнила Диму со своими знакомыми заводскими ребятами, для которых норма – бутылка водки.

– Сергей нас ищет наверное, – предположил Дима.

– Он твой друг?

– Да, мы дружим еще с детского сада. Учились в одном классе, живем рядом. И в армии в одно время служили – правда, в разных частях.

Вот стихла музыка, доносившаяся с верхней палубы: закончились танцы. Отдыхающие расходились по каютам. Притушили свет в коридоре, в закутке стало совсем темно. Поднялась и ушла соседняя парочка. Вдруг Маша обнаружила свою ладонь в Диминой, и подумала, что это ей приятно. Потом Дима осторожно привлек Машу к себе и ткнулся мягкими губами в ее бархатистую щеку. С той же легкостью, которая сопровождала весь вечер этому знакомству, Маша откликнулась на Димину ласку и придвинулась ближе. Дима уже смелее обнял ее и нашел губами ее губы...

Больше Маша и Дима не разговаривали: они целовались.

Пресытившись поцелуями и отлипнув друг от друга, они еще некоторое время сидели в темноте. Оба решили, что, пожалуй, для первого вечера программа исчерпана.

Маша считала, что кое-какая школа поцелуев у нее прой-

дена. Но этой школы оказалось недостаточно, чтобы разобраться во всех поцелуйных тонкостях. И то, что она сидела сейчас с мокрым лицом от кончика носа до подбородка, Маша считала издержками любовных утех.

– Как тихо вокруг, – сказала она, прислушиваясь. – Интересно, который час?

Дима понял вопрос как сигнал «пора расходиться». Он попытался рассмотреть циферблат наручных часов в темноте, но безрезультатно. Поднялся, вышел в освещенный коридор. Воспользовавшись его уходом, Маша быстро отерла ладонью мокрое лицо.

– Начало второго! – удивился Дима.

Маша тоже поднялась, щурясь от яркого света как после долгого сна. Дима проводил Машу до ее каюты.

– До завтра!

В каюте была темень, девочки спали. Маша стала шарить в сумке, ища мыльницу и зубную щетку.

– Ты где была? – свесилась с верхней полки Галка. – Мы тебя на танцах искали.

– С мальчиком познакомилась, – небрежно сказала Маша. – Гуляли.

Моя в умывальнике руки, Маша рассматривала себя в зеркале. Лицо помято, глаза сощурены – будто из подземелья выползла; спутанные волосы, распухшие от поцелуев губы... И Дима видел ее такой, когда они шли по освещенному коридору – ужас!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром Люба, проснувшись раньше всех, обнаружила:

– Девчонки, ведь мы стоим!

Райка вскочила, отодвинула штору: яркое весеннее солнце ударило в глаза и легло на пол каюты. Остальные девочки тоже повыскакивали с постелей и бросились к иллюминатору.

– Прибыли! Мы на Валааме!

За завтраком Маша с Димой не виделись: они питались в разные смены. После завтрака должна была состояться экскурсия по острову. Пассажиры выходили на берег, возбужденными голосами переговаривались друг с другом.

– Тепло-то как... Солнышко какое...

– Сколько зелени вокруг! А у нас в Питере листочки только-только распускаются.

– Смотрите, вон там, что это? Неужели льдины?

– Льдины!

– Зеленый остров, тепло, солнце – и льдины.

– Блаженный, чудный остров!

– Прямо Чунга-Чанга какой-то!

Маша искала глазами Диму. Ага, вот и они с Сергеем. Дима выглядел невыспавшимся. Зато его дружок, очевидно, чувствовал себя прекрасно. Он вертелся во все стороны, что-то быстро говорил Диме и первым заметил Машу, хотя видел

ее только несколько минут вчера вечером на палубе в полутьме.

– Привет! – поздоровался он с Машей.

– Привет! – ответила Маша.

С Димой они кивнули друг другу головами, как давние приятели, и улыбнулись.

– Как почивали-с? – нарочито вежливо спросил Сергей.

– Хорошо. А вы?

– И мы-с.

Подошла экскурсовод, началась экскурсия. Бойкая дамочка щебетала про историю острова, про монастырь и монахов, некогда возделывавших здесь сады.

– Ух ты! А мы пойдем в монастырь? – спросил мальчишеский голос из задних рядов.

– К сожалению, монастырь сейчас не действует, экскурсий туда нет, – охладила дамочка любознательного.

– У-у, – разочарованно протянул тот же голос.

Дамочка стала разливаться соловьем дальше, но Маша слушала ее невнимательно. Она всегда плохо слушала экскурсоводов: всё то, о чем они так гладко щебечут, такое далекое и красиво-ненужное, никак с ней, Машей, не связано. Экскурсоводы были для нее будто частью музейных экспонатов, покрытых пылью веков и из тех же времен, о которых они щебетали: подходить близко нельзя, руками трогать нельзя. Да и не хотелось – ни близко подходить, ни трогать руками. Они ей казались какими-то нереальными. Это Ма-

ша, живущая в своем времени, своими настоящими заботами – живая реальность. Дима – реальность. К нему можно подойти и потрогать руками. И он ей улыбнется. Это не какой-нибудь сказочный монастырь, в который давным-давно нет экскурсий. Может, и самого монастыря нет. И какое ей дело до каких-то монахов, которые жили при царе Горохе и возвращали здесь сады?

Дима с Сергеем были рядом, но тоже какие-то безучастные. Но главное – они были безучастные к ней, Маше! Ходили, слушали краем уха, тихо переговариваясь о чем-то между собой. Маша была слегка задета таким невниманием к себе со стороны Димы: разве не целовались они битый час вчера вечером на диванчике?

Маша даже подумала, уж не разонравилась ли она ему сейчас, при дневном свете? Если так, то продолжения знакомства, вероятно, не будет. Только однажды она поймала на себе пристальный Димин взгляд; встретившись с Машей глазами, он улыбнулся ей, и глаза его потеплели.

Экскурсоводша всё пела о прелестях чудесного острова, а Маша изредка делала снимки прихваченным с собой фотоаппаратом «Смена». Вдруг она спиной почувствовала, как к ней сзади приблизился Дима. Это мог быть только он, и Маша, не видя, его именно *почувствовала*. Для нее это было необычно. Дима встал почти вплотную к ней и молча стоял так некоторое время. Маша ощутила смутное желание прижаться к нему, ей захотелось, чтобы он обнял ее, чтобы...

«Какой он... нежный, – с тайной радостью и удивлением подумала Маша. – Какой он... милый».

И она поняла, что у них всё не только не кончилось, а лишь начинается.

Экскурсия была окончена. Дамочка прощebetала прощание, пожелав всем хорошего отдыха и новых впечатлений. До обеда оставалось время, и пассажиры разбредались кто куда. Машины подружки, сделав правильный вывод, что ее больше тянет к этому хорошенькому блондинчику, чем к ним, деликатно удалились. Маша с Димой и Сергеем остались втроем.

– Погуляем? – предложил инициативный Сергей.

Остров был прекрасен. Порой он открывался такими видами, что у ребят перехватывало дыхание. Маша только успевала щелкать фотоаппаратом. Часто она наводила объектив на Диму. Вот он на фоне ущелья, вот сидит на каменном утесе, вот он у живописного дерева, чудом выросшего на голой скале.

Вдруг они набрали на одинокое бревенчатое строение и стали его исследовать. Строение было полуразрушенным, без дверей, покрытое кое-где мхом. Сгнившее крыльцо вело в черноту.

– Наверное, это монашеский скит, – предположил Сергей.

– И здесь жил монах-отшельник? – изумилась Маша.

Зайти внутрь, в черноту, никто не решился. Только постояли на пороге, заглядывая в дверной проем – оттуда тянуло

прохладой, сыростью и нечистотами.

– Серый, шелкни-ка нас здесь, – Диме захотелось сфотографироваться с Машей на пороге скита.

Маша протянула Сергею фотоаппарат, показав, где нужно нажать. Они с Димой встали в дверном проеме, и Дима приобнял Машу за плечи. Ее снова охватило ответное желание прижаться к нему.

Только теперь, часто подавая Маше руку, помогая ей взбираться на скалы и заглядывая в лицо, Дима рассмотрел, наконец, особенность ее глаз – чего никак не мог видеть вчера вечером: небольшие сегменты Машиных карих зрачков были светло-бежевыми, – словно художник, заканчивая портрет, поставил кистью мазки, чтобы портрет «смотрел». С первого раза разглядеть эти блики было почти невозможно, только казалось удивительно живым лицо. Дима, поймав эти блики в глазах Маши, стал с еще большим вниманием и интересом на нее смотреть, что не осталось незамеченным для Маши. Она чувствовала, что нравится ему.

Иногда Дима с Сергеем отходили в сторонку покурить. Машу это тоже приятно изумляло: ее знакомые «заводские» закуривали, даже не спросив разрешения, или спрашивали для проформы, где ответ не подразумевался. Возвращался Дима с этих коротких перекуров не прокуренный, а почему-то с удивительным и приятным ароматом незрелого яблока. И этот Димин аромат, и его манеры, и сам Дима откликлись в Машиной душе тихой радостью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После обеда неожиданно образовалась компания из Машиных подружек и двух незнакомых ей ребят, которых вчера то ли Галка, то ли Люба подцепили на танцах для похода в местный поселок. Маша хотела позвать на прогулку Диму с Сергеем. Она заглянула к ним в каюту, но та оказалась пустой, а компания уже отправлялась. И Маша не сочла грехом пойти без Димы, к тому же о каких-то послеобеденных планах разговора не было.

По грунтовой дороге поднялись к поселку, фотографируясь в особо живописных местах. Сначала Маша думала, что ребята – Саша и Толя – «забиты» желтоголовыми сестрами. Но в процессе прогулки выяснилось, что ребята «ничьи», а симпатичный Толик даже стал оказывать Маше знаки внимания. И ее вдруг снова, как вчера вечером, охватило пьянящее чувство авантюры. Она, неожиданно для себя самой, позволила себе легкий флирт с новым кавалером. Это ей удалось, и теперь Толик стал держаться поближе к ней, а на одной съемке, когда компанию фотографировала Галка, положил руку Маше на плечо. Такое развитие событий, по всей видимости, не устраивало сестер, которые сами имели виды на ребят. То, что сестры тайно бесятся, Маша не замечала. И когда в присутствии Толика Галка нарочно во всеуслышание спросила ее: «Маша, а где твой Дима?», Маша ответила

доверчиво и беспечно:

– Не знаю. Мы с ним после обеда не виделись.

После такой провокации Толя к Маше больше не подходил.

В поселок заходить не стали, – лишь прошли мимо деревянных ступенек, ведущих к нему. Машу поразило, что возле лестницы на низеньких тележках сидело несколько безногих инвалидов. Утром, сойдя с теплохода, она тоже видела на пристани пьяного мужичка без обеих ног, валявшегося рядом со своей тележкой. Кто они? Почему их такое скопление в одном месте?

Побродили по окрестностям. Маша фотографировала купола с крестами ветхого собора с облупленными, до кирпичей, стенами. Устроив небольшой привал на живописном холме, компания вернулась обратно.

На пристани стояли Дима с Сергеем, покуривали.

– А мы в поселок ходили, – похвалилась Маша.

– А мы почему не пошли? – спросил Дима Сергея.

Тот пожал плечами.

– Я хотела вас позвать, – сказала Маша. – Но вас в каюте не было.

Маша осталась с ребятами. Рядом стояли откуда-то взявшиеся плетеные кресла. Они уселись в кресла и стали любоваться солнцем, заходящим в залив.

– Смотрите! – вдруг воскликнула Маша и указала на плавающего недалеко от берега мужчину.

– «Морж»! – удивился Дима.

Из воды торчали только голова и плечи «моржа», руками в рукавицах он отталкивал огромные льдины.

– Во дает мужик! – поразился Сергей.

– А почему он в рукавицах? – не поняла Маша.

– Чтобы руки о лед не поранить, – ребята вдруг услышали незнакомый голос и обернулись: рядом в кресле сидел мужчина лет сорока интеллигентного вида, на которого они прежде не обратили внимания. Он тоже наблюдал закат.

Неожиданный собеседник представился Виталием Андреевичем и, как-то ненавязчиво, к слову, стал рассказывать об острове. Его рассказы были намного интереснее щебета экскурсоводши. Да и говорил он то, что говорить советскому экскурсоводу никак не полагалось. Он рассказывал, как монахи, когда началась советско-финская война, ушли в Финляндию, чтобы спастись от советской власти. А были здесь действительно шикарные плодородные сады. В монастырских парниках монахи круглый год выращивали огурцы, помидоры, арбузы, дыни, персики, абрикосы, виноград и даже ананасы. Советская власть разорила монастырь, от садов практически ничего не осталось.

– А мы сегодня утром на скит набрали, – сказала Маша. – Тоже полуразрушенный весь, старый.

– Вероятно, вы набрали на маленькую деревянную часовню, что входит в комплекс Гефсиманского скита, – поправил Виталий Андреевич. – Она действительно пока не отреста-

вприкована.

— А почему здесь так много инвалидов? — снова поинтересовалась Маша. — Мы в поселке нескольких на тележках видели. И на пристани один валялся, как только мы прибыли.

— Их после войны сюда вывезли, — стал рассказывать Виталий Андреевич. — В те годы в городах было очень много калек. Они нищенствовали, попрошайничали. Одним словом, портили вид. — В голосе рассказчика появилась ирония. — А мы мирную жизнь восстанавливали, города отстраивали. Вот их всех собрали и вывезли на Валаам. Организовали Дом инвалидов — он в поселке находится. Они раньше на причал часто выходили. Вернее, прикатывали на своих тележках к прибытию теплоходов. Хорошую милостыню получали от туристов. Потом им и это запретили: впечатление от острова портят, своим видом травмируют отдыхающих. — Виталий Андреевич снова грустно улыбнулся. — Эти, на тележках, еще сами как-то передвигаться могут. А много было таких — без рук, без ног. Их называют «самоварами». В специальных кожаных мешках их подвешивают к потолку — только голова торчит. Санитарки за ними ухаживают, кормят.

— И они что... тоже здесь, на острове? — подавлено спросила Маша.

— Возможно, еще кто-то и остался, — качнул головой Виталий Андреевич. — Умерло много. Времени-то с тех пор сколько прошло...

На ребят этот рассказ произвел большое впечатление. И

прозвучал откровением. Некоторое время они сидели притихшие. Машиному воображению представилась огромная комната, наподобие спортзала у них в школе: к потолку подвешено много черных кожаных мешков, а из них торчат бородатые головы «самоваров». Они все кричат, мычат, просят есть, а между ними мечутся медсестры в белых халатах с ложками и кормят их кашей.

После таких мрачных картин чудесный остров для Маши несколько померк. От него повеяло жутковатым холодком. Она подумала: хорошо, что они не пошли в поселок, а то бы непременно увидели бородатых мужиков в мешках.

Впрочем, никакие страсти-мордасти не помешали Маше с нетерпением ждать времени после ужина, когда они с Димой останутся вдвоем.

Дима зашел за ней в каюту, и они отправились на танцы, устроенные, как вчера, на верхней палубе. Музыка гремела во всю.

*Увезу тебя я в тундру,
Увезу к седым снегам.
Белой шкурою медвежьей
Брошу их к твоим ногам.*

Танцевали только медленные танцы, и только вдвоем. Среди танцующих Маша увидела Толика. Он хорошо ей улыбнулся и оценивающим взглядом окинул Диму. Маша подумала, что захоти она, и Толик был бы ее. Но Дима ей

нравился больше.

Он нежно обнимал ее за талию, а она, положив ему руки на плечи, уткнулась в его темно-коричневую кофту.

Всё пройдет:

И печаль, и радость.

элегически вещал Боярский, -

Только то, что пройдет,

Забывать не надо.

Маша смотрела поверх Диминого плеча на танцующих и думала о Диме. Он не похож ни на кого из ее прежних знакомых. Ни на тех, с кем она знакомилась на танцах в местном Дворце культуры, ни, тем более, на заводских ребят. Те были вечно в каких-то затрапезных серых костюмах, вытянувшихся свитерах, часто с немытыми волосами. В них было что-то беспросветное, неинтересное. Ей никто не нравился. Маша готовила себя к студенческой жизни, считая, что именно там у нее всё начнется. И вот внепланово возник Дима. Ленинградец, один у родителей. Чистенький, аккуратненький. Светлые брючки, свитерок с выпущенным поверх него воротничком белой рубашки, и эта грубой вязки кофта вместо унылого опостылевшего пиджака. И копна светлых волос. А какие голубые глаза были у него сегодня утром, когда они гуляли по острову. И как приятно от него пахнет яблоком.

И как нежно он ее сейчас обнимает... И Маша призналась себе, что с нетерпением ждет диванчика.

*Всё пройдет,
Только верить надо,
Что любовь
Не проходит, нет.*

После нескольких медленных танцев ноги обоих сами привели в благословенный закуток. Сначала они чинно сидели рядом. Было прохладно, и Дима грел в своих руках Машины застывшие пальцы. Когда погасили основной свет, и в закутке воцарился полумрак, Дима смелее, чем вчера, привлек Машу к себе, и она тут же потянулась к нему лицом...

Через час оба оторвались друг от друга и некоторое время сидели, притихшие, в темноте. Пора было расходиться. Где-то далеко внизу мерно гудели турбины, теплоход слегка покачивало: они возвращались в Ленинград. Перед тем как выйти на свет, Маша, помня свой вчерашний помятый вид, поправила волосы, одернула свитер и незаметно для Димы отерла ладонью мокрую нижнюю часть лица.

У дверей Машиной каюты они остановились. Это был их последний вечер на теплоходе. Маша шагнула к Диме и еще раз коротко поцеловала его в теплые губы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Утром громким стуком в дверь каюты девочек разбудил тот же мужчина в белом кителе, что в первый вечер звал ужинать: скоро Ленинград! Накануне Дима обещал перед прибытием зайти к Маше и обменяться адресами. Но теплоход вот-вот причалит, а его всё не было. И Маша сама отправилась к мальчишкам.

На разрешение войти Маша осторожно открыла дверь. Каюта впечатлила холостяцким бытом: разбросанные где попало вещи, скомканные постели – видно только поднялись. На столике рядом с колодой игральных карт стояли пустые граненные стаканы, валялись черствые куски хлеба. Полусонный Сергей запихивал в сумку вещи. На нижней полке сидел и зевал осоловелый мужичонка. С полотенцем на шее вошел Дима.

– Я сейчас как раз к тебе собирался. Значит так, – деловито начал он, доставая из кармана брюк свернутый листок. – Вот тут я записал свой адрес: телефона у нас пока нет. А ты мне оставишь свои координаты.

Маша взяла листок с адресом, написала на другом поданном листе и протянула Диме:

– Это телефон вахты и номер комнаты. Общежитие у нас маленькое, нас обычно зовут. Ладно, собирайся, не буду тебе мешать.

Маша с девочками уже были на берегу, когда, обернувшись, она увидела Диму. Они с Сергеем стояли на палубе, ожидая своей очереди на сходни. Дима был нахохлившийся, как воробей. Маша помахала ему рукой. Дима сначала ее не заметил; Сергей ткнул его в бок, — тогда он быстро вскинул голову и поднял руку.

— Вы будете встречаться в Ленинграде? — спросила Машу Галка.

— Не знаю, — неопределенно сказала Маша. — Может быть.

Она действительно ничего не знала. Ей нужно готовиться в институт. Экзамены не из легких, а осталось всего два с половиной месяца. Дима уходит в рейс. «Как получится», — решила она про себя.

В тоне Галки Маша уловила нотки нехорошей зависти: для обеих сестер и Саша, и Толя остались недоступными.

«Уик-энд» был окончен. Что ж, Маша провела его приятно. Завтра на работу.

Сразу же по приезде Маша, как и намечала, села за учебники. Придя с работы и наспех перекусив, она спускалась на первый этаж, где была выделена учебная комната для «учащейся молодежи». Но никакой «учащейся молодежи» Маша там ни разу не видела, — комната обычно пустовала. По выходным она пропадала в библиотеках. Дима сам собой отодвинулся на задний план. Он остался где-то там, на прекрасном, но далеком острове.

Однажды вечером к ним в комнату вошла запыхавшаяся девушка и позвала Машу к телефону. Спускаясь по лестнице на вахту, Маша гадала, кто это мог быть.

– Да? – она поднесла к уху черную эбонитовую трубку общежитского телефона.

– Алло, Маша? Маша, здравствуй! Это Дима.

Старый аппарат шипел и хрипел, к тому же глуховатая вахтерша громко разговаривала с не вовремя подошедшими девочками, и Маша плохо расслышала имя.

– Кто? Витя?

– Дима!

– Ой, Дима! – кольнуло Машу. – Здравствуй!

– Я тебе уже несколько раз звонил, тебя никак не поймать, – стал объяснять Дима. – К тому же домашнего телефона нет, приходится звонить из автоматов. Как твои дела?

– Я сейчас ужасно загружена: готовлюсь в институт.

– Как наши фотографии, получились?

Маша и забыла про них. Валяются где-то не проявленные пленки.

– Я ими еще не занималась. Совершенно нет времени.

– Я через четыре дня уйду в рейс, на Кубу.

Дима еще что-то то ли сказал, то ли спросил – Маша не расслышала. Она молчала, вслушиваясь в шипение трубки, не скажет ли Дима что-то еще. Или повторит. Но он тоже молчал. Наверное, ждал, что скажет она.

– Я позвоню тебе после рейса, – Дима снова то ли спросил,

то ли сообщил – Маша не уловила интонацию.

– Хорошо.

Снова Диминая пауза. Эту громогласную вахтершу хотелось стукнуть – тяжелой эбонитовой трубкой по голове.

– Ну, пока? – спросил Дима.

– Пока.

Маша положила трубку. Как нарочно, в этот же момент вахтерша закончила ор-беседу, девицы удалились.

Вместе с этим звонком на Машу нахлынули воспоминания: Дима, Валаам, диванчик... И какой несуразный получился разговор! Что он ей сказал, а она не расслышала? Может быть, он предложил встретиться? А как сухо она с ним разговаривала: «я ужасно занята», «совершенно нет времени». Могла бы быть с ним поласковее, сказать, что рада его слышать, что соскучилась, еще что-нибудь хорошее. Могла бы, наконец, сама предложить встречу: уж оторвалась бы от своих учебников на полдня. И – о Боже! – она назвала его Витей! Конечно, он решит, что у нее есть какой-то Витя, а он ей не нужен. Когда он вернется с Кубы? Куба! – это же равносильно полету на Луну. Может быть, когда он вернется, ее уже не будет в этом общежитии. Еще этот треклятый допотопный телефон, голос звучит как на дореволюционной патефонной пластинке, дура-вахтерша – черт бы их всех побрал. Никакой личной жизни.

Впрочем, утешала себя Маша, если – тьфу, тьфу, тьфу! – всё пройдет удачно, у нее скоро начнется совсем другая

жизнь – студенческая. И, конечно же, именно там ждет ее личная жизнь. Настоящая большая любовь. Такая, которую ждет и лелеет в своих мечтах каждый.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В последний месяц перед экзаменами Маша взяла на работе отпуск и устроилась на подготовительные курсы. В свою комнату она приходила только ночевать и перекусить.

В начале августа начались экзамены. В одно время с Машей – в другой институт и на вечернее отделение – поступала ее соседка по комнате Нина. Быть студенткой дневного отделения вуза среди девочек рабочего общежития считалось престижным. Это не какая-нибудь вечерница или заочница, а самая что ни на есть настоящая студентка. Так что Маша по сравнению с Ниной котировалась выше.

За абитуриентов волновались две другие соседки по комнате и многие девочки с ее этажа. Помнили дни экзаменов и вечером приходили узнать результаты, попереживать. Для них это было своеобразным развлечением в скучной общежитской обыденности.

Больше всех волновалась за Машу ее подруга Аллочка. Они вместе работали, но жили в разных комнатах. Аллочка, чем могла, помогала Маше: покупала ей продукты, а Маша часто спускалась к Аллочке в комнату этажом ниже обедать. Аллочка уверяла Машу, что не уедет в отпуск, пока не узнает окончательного результата. Впрочем, отпуск у нее всё равно был только в сентябре.

На письменной математике рядом с Машей сидел «друг

степеней». Он долго и абсолютно безрезультатно изучал свои уравнения, и его проштампованные экзаменационные лист и черновик оставались первозданно белоснежными. Видя, как его соседка щелкает свое задание, он подсунул ей одно из уравнений. Маше осталось только переписать свою работу с черновика на беловик, уравнение на подсунутой бумажке ей показалось пустяковым, и она быстро внизу написала его решение. Потом принялась за свое задание, но «друг степеней» обнаглел и подсунул ей следующие уравнения. Маша не нашла в себе духу отказать. Когда она снова бросилась переписывать с черновика, времени оказалось в обрез. Досадуя на этого тупицу, который с такой подготовкой лезет в институт, а не сидит в своих степях, и на себя, что не смогла культурно послать его, последние страницы Маша дописывала «как курица лапой». Это достаточно подпортило ей настроение на пару дней до того момента, пока на доске объявлений она не увидела свою пятерку.

Экзамены прошли успешно, Маша была в списке зачисленных.

Нина тоже поступила. С радости они устроили в комнате маленький сабантуйчик. Пришла Аллочка. Она объявила Маше, что теперь уедет в отпуск со спокойным сердцем. За столом она откровенно ей завидовала:

– Хорошо тебе, Машка, в институте учиться будешь. Новую жизнь начнешь.

Маша знала, что для Аллы вуз – недостижимая, но тайная

мечта. Она агитировала подругу готовиться и тоже попытать счастье, на что Аллочка безнадежно махала рукой:

– Мозги не те. Это ты у нас, Машка, не голова, а Дом Советов.

Впрочем, среди большинства девиц в общежитии бытовало мнение: чтобы рожать детей и стоять у плиты, высшего образования не требуется. Для такой жизни – рожать и готовить на семью обеды, они себя и готовили. У них было собственное желание ВУЗа, которое, смеясь, они расшифровывали так: выйти удачно замуж. Но Маше завидовали все, она это знала. Для нее тяжелая грязная работа заканчивалась уже сейчас, а не в каком-то непонятном будущем, и ждала заманчивая и, разумеется, веселая и счастливая, настоящая студенческая жизнь.

Маша дала родителям телеграмму о своем поступлении и занялась приятными хлопотами: увольнением с завода, выпиской-пропиской, укладыванием вещей, переездом в студенческое общежитие.

Несколько дней назад, когда Маша с заявлением о предоставлении ей общежития ожидала декана, она обратила внимание на красивого молодого человека, стоящего, видимо, с той же целью: попасть на прием. Он был похож на актера Игоря Костолевского, но с более тяжелыми и статичными чертами лица. У него были длинные, до плеч, вьющиеся русые волосы и манеры высокосветского денди. По всему видно было, что цену он себе знает. Это выражалось в созна-

тельно замедленных движения, полных собственного достоинства, некоторой вальяжности и манере одеваться. На нем были обычные потертые джинсы и дешевый серый пиджак, но основной шик заключался в том, что на шее вместо галстука у него был повязан цветастый платок. Правда, платок был предназначен для ношения на женской голове, выглядел слишком грубым и громоздким, к тому же никак не сочетался с джинсами. Для усиления образа денди молодой человек держал в руках зонт-трость, хотя на дворе стояла устойчивая сухая погода.

Маша приняла его за старшекурсника и подумала, что уж если она пришла просить общежитие, то, если будет какой-то выбор, не мешало бы сделать это со знанием дела.

– Простите, вы с химического факультета? – обратилась она к красавчику.

– Да.

– В таком случае вы не подскажете, где находится общежитие химфака?

– Да, конечно. Обычно первый курс размещают в Пушкине.

– В Пушкине?! – изумилась Маша. – Это что же, каждый день ездить в институт на электричке?

– Это всё не так страшно, как кажется на первый взгляд, – стал обстоятельно объяснять красавчик. Речь его была такой же значительной и вальяжной, как движения – ровной, без интонационных и эмоциональных всплесков. – На всю доро-

гу от общежития до института уходит час: ничуть не больше, чем если бы вы жили где-нибудь в другом конце города. Напротив, электрички ходят регулярно, достаточно часто и свободны: нет необходимости давиться в переполненном транспорте. — Молодой человек выбирал и смаковал слова, как спелые черешни, больше сам наслаждаясь собственной речью, чем желая донести ее смысл до собеседника. Разговаривая, он оставался неподвижен, как сфинкс, только изредка его красивая голова с кудрями то слегка опускалась, и тогда его глаза смотрели печально вниз, то поднималась, и тогда глаза его смотрели прямо и неподвижно на Машу.

— А как насчет условий? — поинтересовалась Маша. — Горячая вода, душ?

— Ни горячей воды, ни душа там нет.

Маша была разочарована и удивлена: чем же в таком случае ценно это общежитие? Молодой человек, видимо, уловил перемену в Машином лице и продолжил:

— Для нас отсутствие горячей воды и душа большой бедой не было. Вся прелесть этого общежития в другом: там свой особый микроклимат. Общежитие маленькое, в него селят только первый курс. Все живут очень дружно. Так сказать, притираются друг к другу. И тот дух, который царит там, никогда не забывается. Когда этим летом мы окончили курс и должны были освободить общежитие, никому не хотелось уезжать. А многие девочки просто плакали. Настолько мы там сплотились и подружились. Так что отсутствие горячей

воды и поездки на электричках не представляли для нас никаких неудобств. Кстати, рядом с вокзалом находится прекрасная баня, а в общежитии есть электрический титан, в котором можно греть воду. А как замечательно там летом! Рядом парк, можно ходить на прогулки. Мы, второкурсники, вспоминаем Пушкин как некий Эдем. Впрочем, – добавил после паузы молодой человек и поднял свою львиную голову, – если вы попросите, я думаю, вам могут предоставить вполне благоустроенное общежитие в студенческом городке, куда сейчас переехали мы. Там есть и горячая вода, и душ. Но того духа дружбы и сплоченности, который царил в Пушкине, там нет. Мы сейчас все разбросаны по этажам, по разным комнатам. Это совсем не то. Так что смотрите сами, – сделал заключение молодой человек, давая понять, что сделал для своей собеседницы всё, что мог.

Маша слушала с интересом. И когда ей в деканате предложили Пушкин, она решила: раз уж она хочет вкусить все прелести студенческой жизни, надо ехать в Пушкин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Перевозить вещи Маше помогала Аллочка. Маша переда-
ла ей рассказ красивого молодого человека, и Аллочка по-
глядывала на разгуливающих по коридорам общежития сту-
дентов с тайной завистью. Для нее это был уголок запредель-
ного счастья.

Как-то, уже в октябре, Маша заехала в свое прежнее об-
щежитие за оставшимися вещами, навестить подругу. Гро-
могласная вахтерша, знавшая всех девочек наперечет, сооб-
щила, что ей несколько раз звонил какой-то молодой чело-
век. Маша догадалась, что это был Дима. Ему сказали, что
она здесь больше не живет.

«Ну вот и всё, – решила она про себя. – Все нити оборва-
ны».

Она приняла это известие без особого сожаления. Ди-
ма был для нее эпизодом. Приятным майским эпизодом. У
нее начинается новый жизненный этап. Разумеется, лучше
прежнего. И всё у нее теперь будет лучше: жизнь, друзья,
интересы. И, конечно, мальчики.

Правда, первое знакомство с курсом и своей группой, где
ей предстояло учиться, ее разочаровало. Статных красавцев,
способных вскружить голову с первого взгляда, не наблюда-
лось. К тому же на их факультете мальчиков было не густо.

«Нужно приглядеться, узнать друг друга получше», – уте-

шала себя Маша.

Сначала Маша решила, что ей нравится Саша Эйссер – невысокий крепыш с воловьим взглядом из-под длинных ресниц. Она даже стала фантазировать на эту тему, а на овощебазе, куда их частенько после занятий посылали перебирать капусту, старалась держаться к нему поближе. Но скоро поняла, что Саша, в сущности, хороший и интересный мальчик, играет на гитаре и поет душевные песни, но чувство, которое она к нему испытывает, отнюдь не романтическое. Потом она стала обращать внимание на высокого художника Илью, но опять поняла, что это иллюзия.

«Он еще появится», – решила Маша.

Их общежитие – двухэтажное ветхое здание старой постройки – было заселено только первым курсом, за исключением одной комнаты, оставленной за четвертыми мальчиками-второкурсниками, – по объяснению комендантши: для хозяйственных общежитских нужд. Холодный первый этаж занимали мальчики; на втором жили девочки. На первом этаже за лестницей располагалась кухня с тремя допотопными газовыми плитами. Рядом с кухней – маленькая бытовочка с деревянными лавками под покрашенной белой краской окном, из которого жутко дуло. Из стены, смежной с кухней, торчали два крана: один с холодной водой (зимой просто ледяной), другой – по идее – с горячей, идущей из электрического водонагревателя. Но водогрей чаще всего был неисправен, и воду грели в кастрюлях. В бытовочке стирали, мы-

ли голову и кое-как мылись сами из тазиков.

Основной достопримечательностью бытовочки было то, что из нее вела дверь в химическую лабораторию. Девочки, моясь, кричали в дверь:

– Мы моемся!

– Принято! – отвечали из-за двери.

Желающие выйти из лаборатории подавали сигнал стуком:

– Мы выходим! Можно?

– Ой, через три минуты!

Убогий студенческий быт поначалу Машу удручал. Она была уже избалована богатым заводским общежитием (исключительно женским), где на каждой кухне стоял холодильник, в коридорах висели зеркала, а в комнаты выдавали ковровые дорожки. Душ можно было принимать ежедневно, а в актовом зале стоял цветной телевизор. Своих девочек комендантша держала в строгости: в одиннадцать вечера все гости изгонялись.

Нравы студенческого общежития были куда вольготнее. Вчерашние школьники, вырвавшись из-под родительской опеки, отводили душу. Свобода пьянила и сводила с ума.

Машинами соседками по комнате оказались девочки из разных групп. Света Паршина – гладкая девица с выпуклыми рыбьими глазами – этим летом поступала в театральный. Пройдя все туры, она даже вышла на экзамены, но глупо срезалась на сочинении: с кем-то другим спутала Базарова. На

ее экзаменационном листе вывели: «полное незнание материала». Чтобы скоротать год, она поступила в их институт: конкурс был небольшой, а всем иногородним предоставляли общежитие.

Марина – симпатичная длинноволосая блондинка – жила в трех часах езды автобусом от Ленинграда. Часто уезжала на выходные.

Наташа Васильченко, самая юная на курсе – 16 лет – тоже была из Ленобласти. Мама ее умерла, и она жила с мачехой. Мачеха, видать, была хорошей, потому что Наташа тоже частенько ездила домой.

Поначалу Маша сблизилась с ней: Наташа показалась ей девочкой серьезной. Они вместе ездили в электричке на занятия и вместе возвращались домой, задумчиво беседуя. Училась Наташа хорошо, но это была, скорее, инерция школьной учебы.

В отличии от Маши, ее соседки по комнате к мальчикам-сокурсникам и второкурсникам пригляделись быстро, и обзавелись кавалерами. Те все дни стали проводить у них в комнате, мешая заниматься. Конечно, Маше это не нравилось, и часто после занятий она оставалась в институтской библиотеке.

К ноябрьским праздникам – серьезному поводу устроить гулянку – девочкам уже потребовались места для ночных свиданий. Они кое-как огородили свои кровати тумбочками, столом, шкафом и всевозможными подручными средствами,

устроив таким образом мини-спаленки. Но если стол и шкаф худо-бедно ограничивали видимость, то никак не ограничивали слышимость. Маша иногда ночью просыпалась от возни и странных звуков в каком-нибудь метре от себя, отворачивалась к стенке и, накрывшись с головой одеялом, старалась побыстрее снова уснуть.

Серьезная девушка Наташа тоже очень быстро познала более привлекательную, чем учеба, сторону студенческой жизни. Перво-наперво она влюбилась во второкурсника Володю Пасечника – одного их четверых, живущих в общежитии. Похоже, те были оставлены не столько для хозяйственных нужд, сколько для натаскивания молодняка в любовных утехах. Володя стал ее первым мужчиной. Потом она стала влюбляться каждый месяц в нового мальчика со всей своей серьезностью и самозабвенностью.

«Для меня любовь – это всё», – говорила Наташа очень серьезно Маше в минуты откровенности. При этом глаза ее горели таким жаром страсти и самопожертвования, что Маша сразу ей поверила. И неожиданно почувствовала, что за этим жаром скрывается некая таинственная сила, еще не ведомая ей, Маше.

Наташа всё чаще стала приходить домой пьяная, приводя очередного возлюбленного. Среди остальных двух Машиных соседок по «брачным» ночам она била рекорды. Часто ночью, едва дождавшись, когда все уснут, они с кавалером проскальзывали в комнату, стараясь, насколько это возмож-

но в сильном подпитии, всё делать бесшумно и веря, что это им удастся. Девочки честно делали вид, что ничего не слышат, притворившись спящими. К утру кавалер уходил. Девочки собирались в институт, а Наташа оставалась в постели: после изрядной дозы выпивки и ночи любви ей было не до занятий.

В один из декабрьских вечеров в общежитии была устроена встреча с «собственным поэтом». Поэт учился на третьем курсе. Послушать его собралось всё общежитие. Поэт был черноголовый и тощий; стихи он читал из маленького блокнотика, вскидывая вверх руку, как лицейский Пушкин. Маше его стихи понравились. Наташе понравился поэт. После окончания вечера она уже стояла с ним в вестибюле и смотрела влюбленными глазами. Молодому поэту такое мгновенное признание его таланта и обретение симпатичной страстной поклонницы весьма льстило. Через несколько дней Маша уже слышала его прерывистое дыхание из Наташиной спальни. Признание своего поэтического дара поэту было мало, он жаждал подтверждения своей мужской неотразимости. В перерывах между стонами и ахами он интересовался: «Тебе хорошо со мной?» – «Очень хорошо!» – страстно заверяла его пылкая возлюбленная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.